Электронный адрес: oral@bsgo.ru
www.dessnoline.ru

В воздухе – фенол, в воде – пестициды…

Пыль, диоксид серы, оксид углерода, диоксид азота, сероводород, фенол – именно эти вещества, по данным Оренбургского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, в первую очередь определяют степень загрязнения воздушной среды нашей области.

А поверхностные воды в Оренбуржье, по информации специалистов центра, загрязняют в основном соединения тяжелых металлов, азот аммонийный, нитритный и нитратный, сульфаты, нефтепродукты и хлорорганические пестициды.

2428 километров – такова официальная длина реки Урала. По своей протяженности он является третьей рекой Европы, уступая лишь Волге и Дунаю. Площадь водосборного бассейна – 231 тысяча квадратных километров.

5 июня – Всемирный день окружающей среды

Осетрам Урал уже не защитить

1→ Беседовал Вася ЯКУШЕВА
Фото предоставлено Институтом степи УрО РАН

В принципе, ничего удивительного: состояние главной водной артерии нашего степного края давно тревожит не только экологов, но и простых жителей. О проблемах Урала мы побеседовали с академиком РАН, вице-президентом Русского географического общества Александром ЧИБИЛЕВЫМ. За свою жизнь он исходил весь бассейн реки – пешком и на лодке – и знает ситуацию, что называется, изнутри.

ВОДА НУЖНА, КОГДА ТЕПЛО

– Александр Александрович, наверное, первая проблема Урала, которая бросается в глаза, это обмеление. Когда в разгар лета переходишь его в Оренбурге в районе пляжа лишь по пояс в воде, с удивлением думаешь: а ведь когда-то здесь теплоход «Мария Гризодубова» курсировал…

– Да не был и раньше Урал у Оренбурга судоходным. По весне только баржи какие-то грузы перевозили да «Гризодубова» раз в неделю отдыхающих на прогулку собирала. Урал – одна из самых степных рек, а для степи характерно неравномерное выпадение осадков. Весной воды много, летом мало. Вот Сакмара, приток Урала, река уже лесостепная, а ее приток Большой Ик – вообще лесная. У Сакмары бассейн в три раза меньше, чем у Урала, но воды она при слиянии здесь, в Оренбурге, приносит в полтора раза больше. И по годам выпадение осадков в степи неравномерно – то их много, то засуха.

– Прошлым летом говорили как раз о необычайно малом количестве воды. А в этом году как дело обстоит?

– Да, в 2019-м река повторила рекорд 1933-го – по ней прошло всего 2,5 кубического километра воды. При этом средний многолетний расход Урала – около 10 кубических километров. А в иной год и до 33 бывает. Прошлой зимой и снега оказалось мало, и произошло сухое таяние, вода испарилась или впиталась в землю… В этом году в Оренбурге Урал тоже не разливался, но воду дала Сакмара и ее главный приток Большой Ик, потому что в Башкирии снег нынешней зимой был. Паводок для реки благо: он позволяет ей промыть путь в Каспийское море. Много пойменных лугов, лесов, озер – их нужно наполнить водой. В районе Оренбурга пойма неширокая, километра полтора, у Краснохолма уже 5, ниже Илека – 10…

– Старики утверждают, что прежде Урал разливался куда сильнее и вроде паводки случались позже, чем сейчас.

– Насчет сроков – да, они сместились месяца на полтора. Раньше пик паводков приходился на начало – середину мая, а в низовьях и в июне много было воды. Еще в 1980-х я видел разливы Урала на 15 и более километров: в мае леса стояли затопленными. В 1950-х в районе Илека вся пойма, от края до края, оказывалась в воде, а потом на тех лугах трава вырастала под два метра. Выезжали косить – лошади в ней видно не было! Теперь от этих лугов остались скудные сенокосы с щуплой травкой. Чем плохо, что вода поднимается сейчас в марте-апреле? Тогда еще нет вегетации. Вода нужна, когда тепло. Ну и больших разливов в последнее время не стало. Причин несколько. Процентов 10 – 15 воды задерживает Ирикла. А есть и другие водохранилища, в Башкирии плотин много да и разных мелких прудов предостаточно. И распаханные поля воду впитывают, и на орошение что-то идет, и города свою часть забирают. Конечно, в круговороте эта вода остается, но до Каспия уже не доходит. Важную роль играют изменения климата. Во второй половине XX века эти изменения – в сторону потепления. Но считаю, что большие паводки еще будут. И тогда жилищный фонд, который появился в Оренбурге в пойме Урала, окажется окружен весенними водами. Мы вообще очень мало знаем об изменениях климата. 70 процентов поверхности Земли занимает Мировой океан – какие процессы в нем происходят? Тут на суше-то метеостанции сокращают, пытаясь на них сэкономить. А потом критикуем синоптиков, которые только дня на три более или менее точно могут погоду предсказать.

ЧЕМ ДЕНЕГ МЕНЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

– Климат нам не поменять. А что мы все же можем сделать для спасения Урала? Вот прошлым летом, когда река зацвела, оренбургские волонтеры ходили убирать водоросли – это имело смысл?

– Глазу горожан вид реки без водорослей, конечно, приятней. Но вообще Урал каждый год цветет. При малом количестве воды и высоких температурах это просто интенсивнее происходит. На Сакмаре течение побыстрее, но в затонах и она может цвести. И на Урале в пойменных озерах, затонах есть кувшинки, кубышки – это хорошо. Вот сине-зеленые водоросли – плохо, они от избытка органики, нитратов. Мы же Урал в сточную канаву превратили, все туда сбрасываем. С другой стороны, это тоже реакция реки на загрязнение, водоросли пытаются ее защитить, принимают на себя излишки нитратов. Вся растительность в реке в конечном итоге способствует улучшению качества воды.

Сотрудники Института степи Уральского отделения РАН постоянно в экспедициях. В том числе и по Уралу.

– Есть сторонники углубления дна при помощи земснарядов. Я читала ваши «12 заповедей сохранения экосистемы реки Урал» – вы категорически выступаете против этого метода. Почему?

– Все зависит от того, что мы хотим в итоге получить – реку или канаву. Если канаву – копайте! А если живую реку с водной фауной – нужно сохранять дно, где все микроорганизмы, кормовая база и своеобразная лаборатория по очистке. Прорыв канаву, рассчитывать на помощь природы уже не придется. Впрочем, через пару-тройку лет водный поток размоет отведенный ему коридор, он очень активный и склонен сам прокладывать себе русло. Кстати, когда существовало наше так называемое судоходство, тоже каждый год издевались над рекой при помощи земснаряда.

– Так как же помочь нашей реке?

– Чем меньше денег будет выделяться на якобы спасение Урала, тем лучше. Все плохое, что сделано для реки, сделано на какие-то средства. Мы вели дноуглубительные работы, строили плотины, развивали примитивное орошение и только ухудшали ситуацию, нарушая законы природы. Нужно смириться с тем, что река у нас именно такая, сопоставлять свои аппетиты с ее возможностями и не пытаться увеличить водность за счет строительства новых тромбов. Хотя, конечно, отказаться от роли покорителя природы человеку очень сложно. Во времена Минводхоза СССР плотины сооружались повсеместно – для орошения, зарыбления или просто чтобы деньги освоить. Более двух тысяч плотин у нас в бассейне Урала появилось. Многие из них сегодня пришли в негодность, стоят бесхозными, земля с них смывается опять же в Урал. Сейчас ведется кампания по сносу таких плотин. Деньги на это все равно, конечно, требуются, но не те, что на строительство новых.

МАЛЕНЬКИЙ, НО ЕЩЕ ЖИВОЙ

– Самый большой «тромб» Урала – безусловно, Ириклинское водохранилище…

– Оно уже есть, сегодня остается разумно его использовать. В зимнюю и летнюю межени Ирикла пополняет Урал, повышает его уровень. Благодаря водохранилищу Орск стало меньше топить в паводок. Все равно топит, конечно, но это не Ирикла виновата, не Урал, а Иван Кириллович Кирилов, заложивший город не на том месте. Ну откуда ему в Петербурге было знать особенности нашей реки?

– Вы неоднократно принимали участие в российско-казахстанских сплавах по Уралу. Чиновники на байдарках охотно позируют перед фотокамерами, на митингах говорят правильные слова, а толк-то есть, как считаете?

– Это мероприятие прежде всего политическое и просветительское, потому что невозможно решать проблемы трансграничной экосистемы Урала отдельно со стороны российской, отдельно – с казахстанской… Мы двадцать лет призывали создать межгосударственный орган по реке Уралу, в итоге такая комиссия появилась. Я в политике не участвую, для меня экспедиции интересны с точки зрения научных исследований. Однажды в сумерках я на моторке к Атырау приблизился – вся река перекрыта сетями! Пришлось за весла взяться, иначе мотором все бы там порвал. Потом на митинге об этом, конечно, сказал: с браконьерским ловом в Казахстане нужно бороться! Кстати, вопреки официальным заявлениям, осетры в Уралке до сих пор встречаются – видел я их в браконьерских сетях. И на Каспии они еще есть.

– А ведь когда-то рыболовство и в наших краях было основным источником доходов местных жителей!

– Казаки Урал берегли. Каждая станица имела смотрителя войсковых вод с большими полномочиями. Поить скот из реки было нельзя, загрязнять реку нельзя, колокола во время нереста не звонили и так далее. Весь здешний люд с реки кормился, обозы с осетрами зимой отправлялись и в Москву, и в Санкт-Петербург. Еще в 1970-х осетры к нам стеной шли. Хотя мы это не особо ощущали – на прилавках они не лежали ни в Оренбурге, ни в Уральске. Я, наверное, был последний, кто у нас их изучал, – мне поручили атлас нерестилищ составить. Урал давал до 40 процентов мировой добычи черной икры и 33 процента мировой же добычи красной рыбы. Имеется в виду не по цвету красной, а – дорогой. Осетровые – рыба красная. Это был золотовалютный резерв нашей страны. В 1970-х именно осетры спасли Урал, не дали воплотиться планам по строительству новых плотин и водохранилищ на Большом Ике, Сакмаре, под Оренбургом, в Уральске… Иначе было бы как на Волге – из-за каскада тромбов этой реки уже практически нет. А ведь Волга в 25 раз больше Урала! И Каму почти прикончили. От самого Дуная Урал сейчас единственная река, не зарегулированная в своем среднем и нижнем течении. Дунай, Днестр, Днепр, Дон, Волга – все зарегулированы, этих рек нет! А Урал – маленький, но еще живой, течет. Осетрам его уже не защитить, но он никуда не денется. Только будет страдать от нашей глупости и желания победить природу.